

Плавильный котел государственности

Цивилизационный проект

Москва, 26.12.2011

Александр Механик

«Эксперт» №1 (784) <https://expert.ru/expert/2012/01/plavilnyj-kotel-gosudarstvennosti/>

Родившись в пламени Гражданской войны и горячих дискуссий, СССР задумывался как образец братства народов и предтеча мировой Республики Советов. Но семь десятков лет модернизации окраин подготовили создание дееспособных национальных государств на руинах Союза

Распад Советского Союза кто-то воспринимает как долгожданное освобождение от тоталитарной диктатуры, кто-то — как величайшую геополитическую катастрофу XX века. Одни считают, что создание СССР было просто новым изданием русского колониализма, другие — что это была славная страница в освободительной истории человечества, а принципы, на которых он был основан, полагают важнейшим достижением политической мысли. Есть те, кто уверен: именно эти принципы в конечном счете и послужили причиной распада советского государства, и те, кто убежден, что причиной распада Союза стали не идеи, а их искажение. Но мало кто сегодня вспоминает о существовании самих принципов, на которых было создано советское государство, об их происхождении, связи с историей России начала XX века и развитии.

Истоки проблемы

Царскую Россию с легкой руки французского писателя и путешественника маркиза Астольфа де Кюстина называли «тюрьмой народов». Правда, он имел в виду не межнациональные отношения, а отсутствие в России гражданских свобод и полагал, что Россия — тюрьма для всех народов, в том числе для русского. «Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора», — писал он.

Но важно, конечно, не само по себе это выражение, а то, что за ним стоит: как воспринимали свое положение в России представители разных народов. Главными символами национального вопроса в империи были польский и еврейский. Поляки до сих пор поминают России лишение их вначале государственности, а потом и автономии в рамках Российской империи и кровавое подавление трех национальных восстаний. А оскорбительные меры по ограничению прав евреев, или, точнее, лиц иудейского вероисповедания, — черта оседлости и процентная норма — стали нарицательными для обозначения национальных ограничений во всем мире.

Проблемы, впрочем, этим не исчерпывались. Достаточно вспомнить запрет на использование любых национальных языков не только в качестве языка преподавания в школах и институтах, но даже в частных разговорах в учебных заведениях и учреждениях империи.

Запрещалось издавать и продавать печатную продукцию на украинском языке; конфисковывались книги того же Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко и других украинских писателей. Шевченко был сослан рядовым в том числе за то, что он, как было сказано в приговоре, «сочинял стихи на малороссийском языке». Было запрещено пользоваться украинскими религиозными книгами во время церковного богослужения. А государственный комитет по делам печати запретил употреблять на страницах периодической прессы и в других изданиях сами слова «Украина» и «украинский народ»: власть не хотела признавать самого факта существования украинской нации. И конечно, тяжелым грузом ложились на отношение значительной части украинцев к России исторические воспоминания о разрушении Запорожской Сечи, упразднении гетманата на Украине, то есть фактически автономии, предусмотренной Переяславским соглашением 1654 года, и, наконец, закрепощение украинского крестьянства в конце XVIII века, хотя крепостничество тогда изживало себя уже и в России.

Характерный штрих. В 1893 году за несколько месяцев до поступления Иосифа Джугашвили в Тифлисскую семинарию, преподавание в которой, как и во всех учебных заведениях России, велось на русском языке, в этой семинарии состоялась забастовка учащихся, требовавших введения преподавания грузинской литературы. Учебное

заведение временно было закрыто, 87 учащихся исключили, среди них — Ладо Кецохели и Миха Цхакая. Это были будущие лидеры грузинской социал-демократии и грузинского большевизма, вовлекшие молодого Джугашвили в революционное движение; Цхакая со временем подпишет договор о создании СССР от лица Закавказской Федерации.

Теоретические дискуссии

То, что с межнациональными отношениями в России было не все в порядке, признавали представители практически всех русских политических партий от октябристов до социал-демократов, кроме, пожалуй, крайне правых — «Русского собрания», Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, фактически представлявших точку зрения тогдашней государственной власти. Точнее, последние видели решение всех национальных вопросов или в наступательной русификации нерусских народов, или в ограничении их прав. Как было написано в программе Союза Михаила Архангела, «принимая во внимание, что народности, русским оружием покоренные... не желают... проникнуться чувством русской государственности и шлют своих представителей в Думу не в целях созидательного труда на пользу общего Отечества России, а в целях ослабления таковой как единого государственного целого, Русский народный союз имени Михаила Архангела будет прилагать все усилия к тому чтобы права этих народностей в смысле государственном и общественном были поставлены у нас в пределы, не препятствующие увеличению значения и государственной мощи великого русского народа».

Рецепты решения национального вопроса, которые предлагали остальные партии, разнились довольно широко. Но в одном эти партии были едины: все они ратовали за полное гражданское и политическое равноправие всех наций и языков. А дальше шел разнобой. Октябристы хотели признания «за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей» и категорически не допускали федерализма. Кадеты требовали «полной свободы употребления различных языков и наречий в публичной жизни, свободы основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности», но не признавали никаких автономий. Эсеры шли дальше и предлагали «установление демократической республики, с широкой автономией областей и общин как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение». Наконец, социал-демократы, к которым принадлежали будущие создатели Советского Союза, признавали «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех

местных, общественных и государственных учреждениях» и, наконец, «право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Но при этом социал-демократы, особенно большевики, были категорически против федерализма как принципа организации государства.

Ленин в письме Степану Шаумяну в 1913 году с присущей ему экспрессивностью писал: «Хочешь отделяться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь или, вернее, если гнет и трения “сожителства” таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь “право” на федерацию». Правда, Ленин разделял понятия «федерация» и «автономия», как и большинство других политиков России, предлагая национальным сообществам автономию в решении местных и региональных проблем, пределы которой должен был, по его мнению, определить центральный парламент. А в остальном, пишет Ленин, демократический централизм, подчеркивая при этом: «Отделение не наш план». И объясняет, почему это так, в одной из самых известных своих статей по теме, «Критических замечках по национальному вопросу»: «Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализмом *требует* больших, государственно-сплоченных и объединенных, территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, — а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев».

Плакат «Красная Москва — сердце пролетарской мировой революции». Неизвестный художник, 1921 год

Отметим, что взгляды адептов права наций на самоопределение были довольно противоречивы, и не только в России. Если проанализировать, что говорили и писали

сторонники самоопределения о национальном вопросе в Европе в конце XIX — начале XX века, то станет очевидно: одни и те же люди защищали зачастую противоположные позиции: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, но малые народы могут и потерпеть некоторое ущемление своих прав ради дела прогресса или революции; однако если до революции далеко, то нужно признать право наций на самоопределение, хотя большое государство лучше маленького — и так далее. Противоречивой была и практическая политика: большинство социалистов и либералов XIX века, главных защитников идеи самоопределения народов, приветствовали освободительные движения итальянцев, ирландцев и поляков, но почему-то критически относились к борьбе чехов. А, скажем, герой итальянского освободительного движения Джузеппе Мадзини выступал против освободительной борьбы ирландцев. Энгельс же вообще позволял себе высказывания по национальному вопросу, за которые потом долго оправдывались германские социал-демократы. Например, о балканских славянах, ведущих в ту пору борьбу за освобождение от Австро-Венгрии и Турции, он писал: «Если бы даже эти люди обладали такими же достоинствами, как воспетые Вальтером Скоттом шотландские горцы, тоже, впрочем, злейшие грабители скота, мы все-таки могли бы осудить только лишь те методы, которые применяет для расправы с ними современное общество. Будь мы у кормила власти, мы тоже должны были бы положить конец укоренившимся у этих молодцов стародавним традициям разбоя».

Но, при всех расхождениях, почти все были едины в том, что, как писал далекий от социализма известный немецкий экономист Фридрих Лист, «непременным условием существования нормальной нации являются многочисленное население и обширная территория, обладающая разнообразными ресурсами...» И право на самоопределение имеют только те нации, которые обладают этими признаками.

Однако признание права наций на самоопределение, даже на этих условиях, не было общим для всех европейских социал-демократов. Например, австро-венгерская социал-демократия выступала категорически против этого, противопоставляя самоопределению культурно-национальную автономию, которую она понимала как объединение граждан одной национальности на основе экстерриториального принципа. Теоретики австро-венгерской социал-демократии считали, что смешанный характер населения разных областей страны делает невозможным создание «чистых» национальных государств, и в результате распада Австро-Венгрии возникнет большое число маленьких и недееспособных государств — опять-таки со смешанным населением.

Справедливости ради надо заметить, что до революции вопрос о самоопределении вплоть до отделения и даже о федерации не ставил фактически никто из представителей национальных партий в России, кроме польских, и то не всех. Польская социалистическая партия, возглавляемая будущим президентом Польши Пилсудским, требовала

независимости, а крайне правая Партия реальной политики — только автономии в рамках империи. Остальные национальные партии предлагали различные варианты автономии. Так, в программе Украинской социал-демократической рабочей партии, виднейшими деятелями которой были Петлюра, Винниченко и Грушевский, будущие борцы за независимую Украину, выдвигалось только требование автономии для Украины с отдельным представительным собранием (сеймом), которому должно принадлежать право законодательства во внутренних делах, касающихся территории Украины. Более того, во время Первой мировой войны Петлюра работал во Всероссийском союзе земств и городов, созданном в 1914 году для помощи правительству Российской империи в организации снабжения армии, — то есть занимал позицию вполне лояльную России. Лояльность проявляли и практически все партии Закавказья.

Борьба империй и лозунг самоопределения

Идеей о праве на самоопределение пользовались и правительства разных стран для подрыва единства враждебных государств. Россия поддерживала морально, материально и военной силой освободительную борьбу христианских народов Кавказа против Османской империи и славянских народов на Балканах против той же Османской империи и Австро-Венгрии; австрийцы поддерживали украинские национальные организации; во Франции и Англии широкой общественной поддержкой пользовалось освободительное движение поляков. Во время Первой мировой войны часть польской оппозиции во главе с Пилсудским присягнула Австро-Венгрии, рассчитывая получить из ее рук независимость Польши, а чешские военнопленные сформировали в России Чехословацкий корпус, рассчитывая получить независимость из рук России. В конце концов, как мы знаем, это обернулось против всех названных государств.

Война породила надежды на возможность создания национальных государств у представителей многих народов Австро-Венгрии, России и Германии. А у радикальных революционеров — на мировую или, по крайней мере, на европейскую революцию. К числу радикалов принадлежали, как известно, и большевики, под влиянием Ленина выдвинувшие лозунг о перерастании войны империалистической в войну гражданскую. При этом Ленин считал, что в условиях войны национальная борьба малых и колониальных народов станет дополнительным вкладом в ослабление правительств всех воюющих сторон и, соответственно, в дело революции. В конце концов так и произошло. В трех континентальных империях — Российской, Австро-Венгерской и Германской — случились революции, империи рухнули, и на их обломках возникло большое количество новых государств. Но только на территории бывшей России удалось воссоздать — на совершенно новых принципах — многонациональное государство.

После революции

Революции в России, сначала Февральская, а потом Октябрьская, резко ускорили процессы самоопределения на всех национальных окраинах империи. Уже 27 марта 1917 года Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял обращение к польскому народу, в котором признавалось право Польши стать независимой. А 29 марта аналогичное воззвание приняло Временное правительство. 16 марта в Киеве была создана Украинская центральная рада, провозгласившая автономию Украины, а после Октябрьской революции — ее независимость.

В июле-августе 1917 года в Оренбурге прошли I и II Всебашкирские съезды (курултаи), где было принято решение о необходимости создания «демократической республики на национально-территориальных началах» в составе федеративной России. 16 ноября 1917 года Башкирский центральный совет провозглашает части территорий Оренбургской, Пермской, Самарской, Уфимской губерний территориально-национальной автономией Башкурдистан.

Всего через несколько дней, 20 ноября, на Съезде народов Поволжья было принято решение о провозглашении на территориях Казанской и Уфимской губерний, а также части территорий прилегающих губерний Идель-Уральской Республики (Штата Идель-Урал). Аналогичные процессы шли практически во всех национальных регионах России.

Лев Троцкий, Владимир Ленин и Лев Каменев в перерыве работы 2-го съезда III Интернационала, 1920 год

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Тем более что в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, вошедшей в первую советскую Конституцию, провозглашалось, что, «стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно тем более, полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III Всероссийский съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». То есть вопрос об автономизации отдавался на откуп местным Советам и энтузиастам национального освобождения. Это сразу привлекло на сторону большевиков значительную часть национальной интеллигенции и стало одной из причин поражения белых, которые до последнего держались принципа «единой и неделимой».

Такой поворот большевиков от полного неприятия федерализма к его возведению в основной принцип организации государства был не случаен. Это был результат осознания Владимиром Лениным революционного потенциала национально-освободительной борьбы и союза революционных социалистов и борцов за национальное освобождение. А этот союз, как считал Ленин, мог стать возможным только при условии преодоления великодержавного шовинизма титульной имперской нации. Демонстрацией такого преодоления было, по мнению Ленина, признание права наций на самоопределение или, при их согласии, образование федеративного государства с правом выхода из него. Эти соображения в последующем и легли в основу создания Советского Союза.

А пока все кому не лень на территории России «брали суверенитета, сколько хотели». Большевики, с одной стороны, не препятствовали этому процессу, с другой — старались взять его под контроль. Тем более что, в отличие от белых, у них был инструмент такого контроля — идейно сплоченная, централизованная и дисциплинированная партия, все национальные организации которой практически беспрекословно подчинялись московскому центру. И этим большевики отличались от остальных партий, в которых царили разброд и шатания

В противовес Украинской центральной раде, действовавшей в Киеве, в Харькове в декабре 1917 года состоялся первый Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший Украину Советской Республикой. Съезд принял решение об установлении федеративных отношений с Советской Россией. Однако уже к апрелю 1918-го под давлением немецких оккупационных войск, занявших Украину после заключения Брестского мира, Украинская Советская Республика перестала существовать. А Советская Россия была вынуждена признать правительство в Киеве.

После поражения Германии и ухода немцев весной 1919 года Советская власть вернулась на Украину (этому предшествовали события, прекрасно описанные у Булгакова в «Белой

гвардии» и «Днях Турбиных»). Но на сей раз Украинская Социалистическая Советская Республика была провозглашена как самостоятельное государство.

Аналогичные процессы протекали в Прибалтике, где в конце 1917-го — начале 1918 года была провозглашена советская власть, и в Литве, и в Латвии, и в Эстонии. Это было тем более легко, что на выборах в Учредительное собрание в Прибалтике большевики получили большинство. Впрочем, советская власть была достаточно быстро свергнута немцами, занявшими Прибалтику. После ухода немцев большевики в конце 1918-го — начале 1919 года попытались вернуться (и им это почти удалось), но были отброшены благодаря поддержке, которую оказала национальным правительствам, появившимся в Прибалтике при немцах, коалиция, включавшая в себя немецких добровольцев, страны Антанты, Польшу и армию Юденича.

Серго Орджоникидзе, Иосиф Сталин и Анастас Микоян, 1926 год

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В отделенном от Советской России белыми армиями Закавказье после Октября возникли независимые государства: Азербайджан, Армения и Грузия, возглавляемые в основном национальными социалистическими партиями. В 1920–1921 годах во всех этих государствах была с помощью Красной Армии установлена советская власть, а в 1922-м все они объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, независимую от РСФСР. Обсуждение проблем, возникших внутри этой федерации, и ее отношений с Россией сыграло важнейшую роль в дискуссии об образовании Советского Союза.

Процесс самоопределения затронул не только национальные регионы. Еще до Октябрьской революции о своем желании получить автономию в составе будущей Российской Федерации заявили кубанские казаки. А в 1918 году руководство кубанских казаков поддержало идею об объединении Кубани с Украинской Державой гетмана Скоропадского, тоже на правах федерации. Кубанской радой была провозглашена независимая Кубанская народная республика, просуществовавшая до 1920 года, когда по приказу Деникина председатель Кубанской казачьей рады Кулабухов за отказ передать золото рады на нужды Добровольческой армии был казнен, а Рада распущена, после чего казаки в массовом порядке стали покидать ряды Белой армии.

А в столице Области войска донского Новочеркасске был сформирован Донской войсковой круг, орган казачьего самоуправления. Но крупные города Ростов-на-Дону и Таганрог, а также значительная часть казаков-фронтовиков находились под влиянием большевиков, и после Октябрьской революции в Ростове была провозглашена Донская Советская Республика. Однако вопрос о том, как делить землю между казаками и иногородними, и террор, развязанный красными, привел к тому, что казачество отвернулось от Советов, и вскоре Донская Советская Республика была разгромлена ими и формировавшейся на Дону Добровольческой армией.

Но, как оказалось, взгляды на дальнейшее развитие России у казаков и лидеров Белого движения были совсем разными. Казаки на Дону, как и на Кубани, желали автономии, и в конце 1918 года провозгласили создание независимой Донской Республики во главе с генералом Красновым, а белые генералы не хотели с ней считаться. В конце концов белые и казаки потерпели поражение, во многом из-за неспособности договориться друг с другом и с независимыми Украиной и Грузией, которые были готовы оказать поддержку белым при условии признания своей независимости. Белые генералы, выступавшие под лозунгом «единой и неделимой», проявили «принципиальность» и потерпели поражение; красные же, сумев расставить приоритеты — вначале победить в войне, а потом решить проблему с самостийщиками, — выиграли

Создание Союза, или Чего боялся Ленин

После окончания Гражданской войны и победы над Польшей большевики столкнулись с серьезной проблемой: как объединить ставшие независимыми советские республики (РСФСР, ЗСФСР, Украину и Белоруссию), которые были связаны между собой системой договоров о военно-политических и экономических союзах. Оказалось, что, хотя во главе всех этих республик стояли коммунисты, входившие в единую Коммунистическую партию, многие из них уже мыслили категориями независимости своих республик. Как писал Сталин, «за четыре года Гражданской войны... мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-

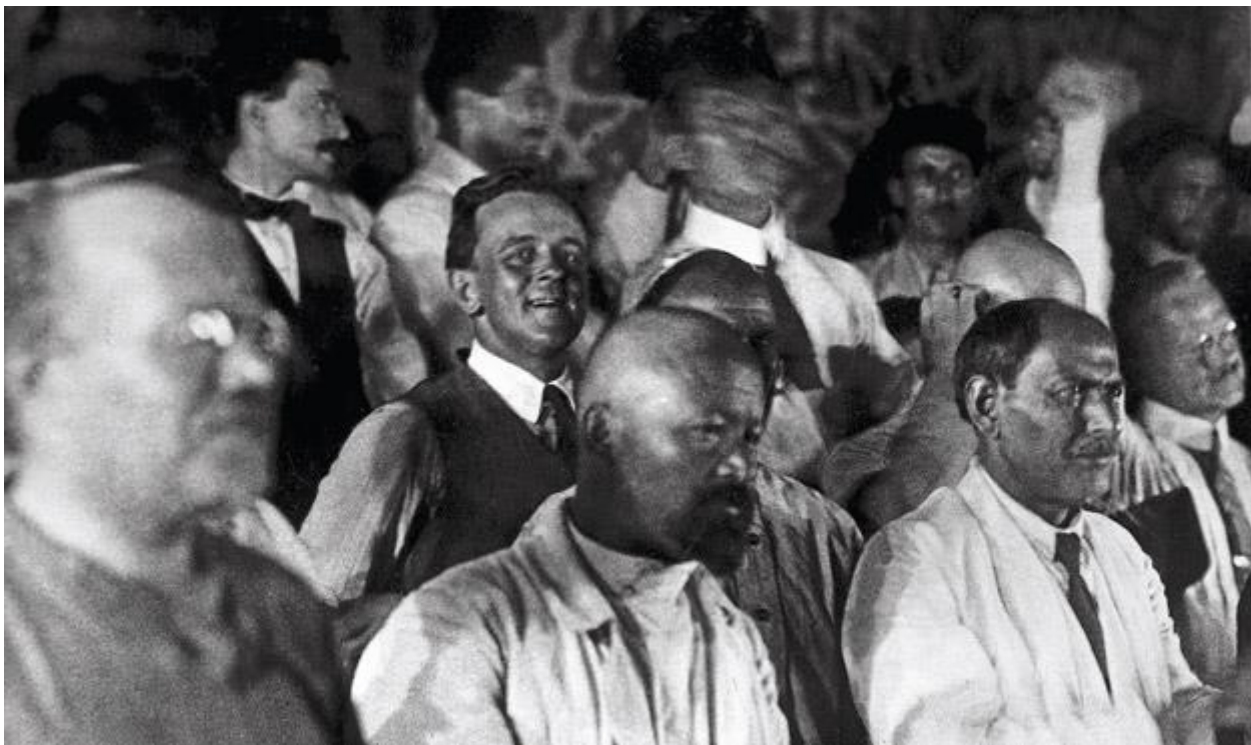
независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы».

Чтобы сгладить остроту возникавших разногласий, Политбюро ЦК РКП(б) сочло необходимым специально отметить в протоколе одного из своих заседаний, что «никакой перемены в отношениях РСФСР и УССР в смысле отмены или умаления независимости Украинской республики... не произошло». Но сама формулировка говорит о серьезном отношении украинских коммунистов к своей независимости, и Москве приходилось с этим считаться.

В августе 22-го года Сталин, в «Проекте резолюции о взаимоотношении РСФСР с независимыми республиками», предложил независимым Советским республикам вступить в состав РСФСР в качестве автономий. Азербайджан и Армения ответили согласием, Грузия и Украина настаивали на независимости. В частности, резко против этого предложения выступил председатель Совнаркома Украины Христиан Раковский. Он писал, что автономизация, вместо того чтобы выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех наций одинаковые условия государственного строительства, подрывает сами основы нового строя. И добавлял, что если будет ликвидирована независимость Украины, то контрреволюция всего мира, в частности Польша, получит возможность выступить в роли ее защитницы.

Дискуссия об автономизации, как ее называли позднее, стала первой, в ходе которой Сталин, ставший в том же 22-м году Генеральным секретарем ЦК, не просто занял самостоятельную позицию, но резко выступил против Ленина, который поддержал противников автономизации и настаивал на союзе равноправных республик. Обращаясь с запиской ко Льву Каменеву на заседании Политбюро, посвященном обсуждению этого вопроса, Сталин пишет: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича». Однако в конце концов Сталин уступает и предлагает вместо автономизации создание равноправного союза советских республик Европы и Азии, сохраняя при этом требование подчинения республик директивам центра.

На этом, правда, дискуссия не закончилась, а скорее обострилась, когда Ленин узнал, что при обсуждении вопроса об автономизации на заседании грузинского ЦК дело дошло до драки, затеянной Орджоникидзе (он был сторонником Сталина в этом вопросе) со своими оппонентами.

Американский журналист, один из основателей американской компартии, автор книги «Десять лет, которые потрясли мир» Джон Рид на съезде народов Востока в Баку, 1920 год

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Разногласия с грузинским ЦК возникли по поводу того, как закавказские республики должны входить в состав СССР — непосредственно или в составе Закавказской Федерации. В пользу создания Закавказской Федерации было то обстоятельство, что население закавказских республик, особенно в крупных городах, было смешанным, и сразу после разделения по национальным республикам, еще до советской власти, началось вытеснение нетитульных народов. (Этот процесс не удалось остановить и советской власти. Он оказался необратимым: если в начале 1920-х Ереван и Баку были городами со смешанным армяно-азербайджанским населением, то к концу советской эпохи они стали практически мононациональными.)

Закавказская Федерация, по мнению Сталина и Орджоникидзе, должна была отчуждение народов остановить. Сопротивление грузинского ЦК вызвало у них раздражение, замешанное на обвинениях в национал-уклонизме. Спустя много лет, уже в 1935 году, Лаврентий Берия, оправдывая задним числом позицию Сталина и Орджоникидзе, говорил, что «...национал-уклонисты хотели создать и развить привилегии для грузин за счет Советского Азербайджана и Армении и тем более за счет нацменьшинств — абхазцев, аджарцев, осетин, армян...»

Но Ленин не удовлетворился ни подобными объяснениями, ни сталинской уступкой и придает дискуссии совершенно другой характер, усматривая в сталинских предложениях проявление великодержавного шовинизма, который он считал главной угрозой, как для создания Союза, потому что тот, по мнению Ленина, отпугивал народы и внутри самой РСФСР и независимых республик. Так и для международного положения Союза, который

должен был стать примером построения новых социалистических национальных взаимоотношений, привлекая к себе тем самым интерес и симпатии всех угнетенных народов мира.

Хотя Ленин подчеркивал великорусский характер этого шовинизма, но из обвинений, брошенных Сталину и Орджоникидзе, ясно, что он имел в виду бюрократический централизм, который в глазах малых народов неизбежно приобретал характер великодержавного шовинизма и мог их оттолкнуть от нового союза. Как писал Ленин, чтобы обеспечить максимальное доверие малых народов к новой государственности, «нужно возместить... своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации».

Было бы непростительно, объяснял Ленин в одной из своих последних статей, «К вопросу о национальностях или об автономизации», если бы накануне революционного выступления народов Востока Советская Россия подрывала свой авторитет среди них малейшей грубостью и несправедливостью по отношению к народам России и новых советских государств. «А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».

Возмущенный поведением Сталина и Орджоникидзе, Ленин решает поддержать грузинскую оппозицию и обращается за помощью к Троцкому. Вскоре Ленин заболевает, и к моменту провозглашения СССР 30 декабря 1922 года состояние его становится тяжелым. С болезнью вождя дискуссия постепенно сходит на нет, формально его точка зрения победила, но так называемые национал-уклонисты постепенно устранились с постов, более того, в 1930-е годы практически все они были репрессированы.

А в 1924 году в первой Конституции СССР запишут: «Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Что из этого вышло

То устройство страны, которое предлагал Ленин, было, фактически, сильной конфедерацией, единство которой должна была обеспечивать идеология и компартия, как носитель этой идеологии. Сталин, который, как показал последующий опыт его правления, не любил сложных схем, предлагал унитарное государство с элементами автономии. В результате компромисса, навязанного не столько уже больным Лениным, сколько позицией коммунистов в национальных республиках, юридически получилась федерация с правом выхода из нее, гарантом **невыполнения** которого была все та же компартия. А реально получилось все то же унитарное государство со значительными элементами автономии в вопросах национальной культуры, для которой Сталин придумал четкое определение — «национальная по форме и социалистическая по содержанию». Такой была и вся политика в республиках.

Но, несмотря на разногласия между Лениным и Сталиным, стремление сгладить национальные противоречия в самом Союзе и привлечь в противостоянии с империалистическим Западом на свою сторону народы третьего, как теперь говорят, мира, было, конечно, присуще всему советскому руководству и нашло свое отражение в политике подъема национальных окраин. Для оценки достижений этой политики достаточно сравнить современный Афганистан, где в местных медресе до сих пор обсуждается вопрос о правильности гелиоцентрической системы, и советскую Центральную Азию, сохранившую, несмотря на все потери последних лет, не только всеобщую грамотность, которой до сих пор нет во многих азиатских странах, но и обязательное среднее образование, и разветвленную систему современного высшего образования.

За семьдесят с небольшим лет советской власти основная часть этнических сообществ, обитавших на территории царской России, обрела характер современных наций, полноценную национальную культуру, а часто — и впервые за всю историю своего существования — письменный язык, полноценное национальное самосознание и полноценную национальную территорию. Как отметил крупнейший британский историк Эрик Хобсбаум, «именно коммунистический режим принялся сознательно и целенаправленно *создавать* этнолингвистические территориальные “национально-административные единицы” (то есть “нации” в современном смысле) — создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто всерьез не помышлял, например у мусульман Средней Азии или белорусов. Идея советских республик казахской, киргизской, узбекской, таджикской или туркменской “наций” была скорее чисто теоретической конструкцией советских интеллектуалов, нежели исконным устремлением любого из перечисленных народов».

Хобсбаум и прав, и неправ. На том этапе названные им народы, возможно, и не помышляли о собственной государственности, но исторический опыт показывает, что рано или поздно национальное самосознание приходит ко всем народам, у которых сформировалась собственная интеллигенция и которые достигли определенной стадии экономического развития. Тем более что многие из этих народов вели свою историю еще со времен до Александра Македонского и обладали развитой культурой. Сегодня создание национальных образований многие ставят большевикам и лично Ленину в вину, сравнивая такие образования с бомбой замедленного действия, заложенной под Россию. Но при этом они забывают, во-первых, что именно благодаря этому удалось собрать страну заново (как мы указали выше, даже видные национальные коммунисты не были готовы отказаться от суверенитета собственных республик). И, во-вторых, забывают пример других многонациональных стран, которые многие десятилетия пытались не допустить создания любой формы национальных автономий и стремились ассимилировать малые народы, входившие в их состав, и либо были вынуждены отступить, либо развалились. Можно сказать, что создание национальных автономий в современном мире — неизбежность.

В своем развитии освободительные движения обычно проходят три стадии: борьба за сохранение языка и культуры переходит в борьбу за автономию, а затем и за освобождение. Классическим в этом смысле может считаться пример Ирландии. В XIX веке она выступала за самоуправление, даже в русский язык вошел этот термин — «гомруль» (homerule). Правящие классы Великобритании не пошли на уступки, за что и поплатились: ирландцы, в конце концов потребовали независимости и стали добиваться ее с оружием в руках. И победили, хотя на этом пути даже утратили свой язык. Англичане сделали выводы из той истории. И когда уже в настоящее время своего гомруля стали добиваться уэльсцы и шотландцы, правительство Соединенного Королевства пошло им навстречу. Сегодня Великобритания практически превращается в федерацию.

Другой печальный пример сопротивления неизбежному — Испания. В ходе испанской революции и гражданской войны на знаменах республиканцев было написано «автономия», на знаменах фашистов — «унитарное государство». После победы франкистов все национальные автономии были ликвидированы, проводилась политика агрессивной ассимиляции тех же басков. В результате они начали вооруженную борьбу за независимость. Через сорок лет победившая демократия вернула автономию национальным меньшинствам: испанцы поняли, что без этого на их земле не будет мира. Однако выяснилось, что вызванного жесткостью франкистской системы джинна сепаратизма и терроризма теперь уже трудно загнать обратно. И хотя террор удалось подавить, сочетая вооруженную силу и уступки, вопрос о сохранении испанского единства остается актуальным. Тем временем вслед за басками автономии стали добиваться и добились другие национальные провинции, например Каталония.

Распад же Советского Союза был вызван не столько национально-государственным устройством, которое просто облегчило этот процесс, сколько экономическими факторами. Как пишет тот же Хобсбаум, «Неудача “перестройки”, то есть ухудшение условий жизни простых граждан, подорвала доверие к союзному правительству... и побудила искать решение проблем на региональном и местном уровне. Можно с уверенностью утверждать, что до Горбачева ни одна советская республика — кроме прибалтийских — не стремилась к отделению от СССР, и даже для Прибалтики независимость оставалась не более чем мечтой. Совершенно очевидно, что национальная дезинтеграция СССР (и, кстати говоря, входивших в его состав республик, тоже фактически многонациональных) была следствием событий в Москве, а отнюдь не их причиной». А Горбачев к тому же, похоже, не осознавал значимости национального фактора, считая, что национальный вопрос давно в СССР решен. История СССР, как и Югославии, Бельгии, той же Испании, Великобритании, показала: этот вопрос никогда не может быть решен окончательно. Он должен быть предметом постоянного внимания политиков и на каждом историческом повороте решаться заново.